

18+

Лодвиков
Валерий

ВОВКА ДЕТДОМОВЕЦ

Валерий Лодвиков
Вовка детдомовец

«Издательские решения»

Лодвиков В.

Вовка детдомовец / В. Лодвиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-550344-2

Во времена «хрущевской оттепели» парни и девушки наивно верили в светлое будущее, в вечную любовь, в семейные ценности; трудились, не покладая рук, гордились тем, что создавали и не меняли своих убеждений. От этого поколения мало кто дожил до наших дней, но вот что важно: те годы лишений остались для них самыми счастливыми. И этот лозунг: «каждый строитель коммунизма — кузнец своего счастья», что и подтверждено всей их жизнью, которая является примером для передовой молодежи в наши дни.

ISBN 978-5-00-550344-2

© Лодвиков В.
© Издательские решения

Вовка детдомовец

Валерий Лодвиков

© Валерий Лодвиков, 2021

ISBN 978-5-0055-0344-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Познакомиться с этим парнем мне довелось в нашей общаге по улице Куйбышева города Перми, дай бог памяти, в январе 1960 года.

После полочки, в традициях того времени, гул в общаге напоминал пчелиный улей, или в вертепе на советский манер. Из динамиков и проигрывателей водопадом лилась народная музыка, в унисон со звоном гранёных стаканов и бутылок с «бормотухой». Кто-то сильно топал ногами, бился в стены, колотился о двери, кричал истошно как на пожаре, и всё это с трудом сдерживалось тесными помещениями, или написанным законом: не выноси сора из избы, а иначе вызовут дружинников или милицию. Но чаще всего утихомиривали разгорячённых парней своими силами. Я как раз этим вечером дежурил по общаге. Комсомольскому активу положено быть на страже нравственности и днём и ночью, это и меня касалось. Вдруг подбегают ко мне две испуганные девчущки, жившие на втором этаже. Из их путаных слов стало понятно, что Вова опять разбушевался. Раннее видел его, но близко не общался; здоровенный парень, троим как я – не сладить. Однако обязанности дежурного нужно выполнять.

На втором этаже в одной из мужских комнат я застал интересную картину в стиле Тараса Бульбы: на Вовке пиявками висели девки, но свободными руками он как котят разбрасывал наседавший парней, успевая бить табуреткой по головам самых надоедливых. Кое-как успокоив ребят, с иронией обратился к нашему Илье Муромцу:

– О чём сыр-бор, Вова, не иначе всю мебель решил покорёжить?

Парень, скосив бычий глаз на меня, ответил с самодовольством:

– Мебель пока цела, а вот их «тыквы» точно потрескались, вон какие у меня кулаки, вроде кувалдочек.

– Ты, Вова, можешь большой урон нанести родному строй – тресту.

– Это какой, поясни?

– А ну бюллетень завтра возьмут покалеченные, попутно заяву в милицию кинут и тебя заметут, прогулы в табеле появятся, бригада план не выполнит...

– Да, огорошил ты меня.

– Вот и думой своей «тыквой» а ля Котовского.

Ростом он был на полголовы выше меня, но коренастый, мощный телом и весом в центнер, точь-в-точь сельский бык – производитель. Мы прошли в его комнату, сели на кровать, где он долго и путано объяснял почему он решил проучить этих «педиков» и губошлёпов.

– Вовка, кулак в спорах – далеко не аргумент, к примеру, мой в два раза меньше, но я действую иначе.

– Авторитетом што – ли?

– Немного им, но главное – понять смысл ссоры и окончить её миром.

– Ага, понял, нужно окатить водой дерущихся котов.

– Если проще, то вовремя загасить искры вражды, не сделаешь – жди беды.

– По-твоему выходит, что я должен подставить вторую щеку как у верующих?

– Понятно, твоё правило-бей первым, и где же ты этому научился?

– В детдоме.

– Вот как! Ну- ка расскажи, а я послушаю.

Но Вовка сразу помрачнел лицом, широкие плечи обвисли, по сильному телу прошли судороги- это был признак запретной темы и я не стал «лезть под кожу».

Чуть позже в общении я старался коснуться разных сторон его жизни, пытаюсь найти тот стержень, на котором он держался при выборе своего пути. Парень мне всё больше нравился, мы оказались родственными душами с одним отличием: я скрывал свои мысли и сдерживал эмоции, а у него всё выплёскивалось наружу. Довольно интересный человек; сосуд, наполненный дикими страстями и талантами; самородок земли русской, ходячая энциклопедия старины глубокой.

Результаты не заставили себя ждать: как- то приняв на свою могучую грудь два стакана водки, Вовка звучно стал кричать на всю общагу:

– Валерка теперь мой лучший друг, названный брат и кто полезет на него- будет иметь дело со мной!

Мне это льстило – дружба стоила того, но и хлопот я приобрёл надолго. Сам не заметил, как сделался для Вовки вроде комиссара Фурманова при народном герое Чапаеве. И как только он в подпитии собирался разбить «тыквы» очередным «педикам», я тут же советовал решить этот спор по- иному, без мордобоя, а лучше не обращать внимания на шавок, лающих на быка. Презрение к ним- вот лучшее оружие. Но мои советы не всегда достигали цели. В образе врагов у него были все, кто не укладывался в его мировоззрение, где обострённое чувство справедливости и было тем поводом, без чего не мог жить парень 18 лет. В комсомоле он не был, книг мало читал, но кино любил и всякие там вечера по народному творчеству. Почти все строители были родом из села и эти милые частушки про наш рабочий быт проходили на ура. Вовка тут был заводилой, как рыба в камской воде. Однажды на спор спел 250 частушек и ни разу не повторился, и это не считая матерных, таких он мог выдать столько же, да девки не дали ходу, блюдя скромность. Отлично играл на гармошке, балалайке, ложках, даже на зубах, плясал с присвистом, с притопом и с прихлопом или цыганочку с выходом или яблочко- любой танец ему был под силу, точнее под ногу, одно слово- первый парень в нашей общаге.

Как мужик, по слухам, он очень был силён и нарахват, но все его «чувихи» были из ряда гулящих, прошедших огонь, воду и медные трубы.

– Вовка, – иногда вразумлял его по- отечески, – ты вон какой видный, а валандаешься с этими «вешалками», от которых вонь и болезни, неужто чистых и юных не хватает?

– Не могу, – отвечал он искренне, – в детдоме всякой дряни насмотрелся, ни во что чистое уже не верю, да и зачем мне заноза в сердце перед армией.

– Неужто ни разу не влюблялся до безумия, как со мной однажды случилось?

– Было дело, да потом она к моему другу переметнулась.

– Просто беседу провёл или лицо ему попортил?

– Ещё чего, для друга этого добра не жалко, вон их сколько «пасётся», вроде тёлок на лугу.

И это не пустые слова, как только ему надоедала очередная «чувиха», в первую очередь предлагал её мне, но я тактично отказывался из- за различия во вкусах. Питался он кое- как и я его иногда подкармливал, особенно после гульбы. Конечно, просаживать за два дня аванс или получку могли только спившиеся, а большая часть мужского населения общаги всё же заботились о пропитании, иначе ноги не будешь таскать. Да и на советские зарплаты много не разгуляешься, иначе «зубы на полку», как говорила моя мать. Бывало, какая- нибудь сердобольная девка угостит его жареным- пареным, памятуя о материнском наказе искать прямой путь к сердцу мужика только через его голодный желудок.

– Ты уж сам чего надо возьми, – просил Вова, протягивая в огромной пятерне несколько рублей, уцелевших от прежнего хмельного застолья.

– Вид у тебя неважный, – говорил я тоном старшего брата, – надо чаще бывать в гастрономе и пить фруктовые соки.

Решение было твёрдым: каждый день дегустация соков, благо гастроном был в пяти минутах ходьбы от нашей общаги. Но и там Вовка среди рабочей толпы отыскивал откормленную харю и, как только советский интеллигент отходил от прилавка с полной сумкой дорогих деликатесов, вроде черной икры и балыка, как Вовка тут же подходил к нему вплотную и вполголоса ядовито бросал в лицо:

– Простых людей обираешь, гнида, ишь какой мамон отъел!

Мужик бледнел и опускал голову, быстро шёл к выходу, неся вину на покатых плечах.

– Ну зачем так огульно, а вдруг это порядочный человек, – стыдил я друга.

– Нет, я их нутром чую, другой бы огрызнулся, а этот сразу слинял.

Хотя были о осечки, когда здоровый и наглый попадался, то выходили на улицу. Вовка, не дожидаясь отпора, одним ударом кулака сбивал мужика с ног или поддевал на свой калган; не было случая, чтобы народного мстителя избивали.

– И откуда у тебя столько ненависти к сытым? – спрашивал я, хотя в душе поддерживал его.

– Всё оттуда – из детдома: наше начальство со склада мешками тащило, а мы с голоду пухли, – с неохотой отвечал он.

– Но ведь мир не переделаешь, всегда были и будут такие как мы и вот те с отвисшими животами.

– Однако, не дурак же я, все понимаю, но как вижу таких – трясет от несправедливости.

– Тогда учись, новые профессии осваивай, глядишь, на ноги встанешь, свой дом займешь и крепкую семью, а детство и у меня было голодным, как раз выпало на военные годы.

– Эх, голова у меня не такая светлая, дурь всякая лезет, да и не знаю, как дальше жить.

– Ты нуждаешься в дружеском совете?

– Да, про тот главный путь, о чем все говорят.

– Давать советы, Вова, неблагодарное дело; ведь у каждого свой мир, своя мера добра и зла, черты характера и прочее...

– Ты же определился, вот и поделись опытом.

– Я, Вова, убежал из дома в неполных 17 лет из-за издевательств отчима и равнодушия матери; ну и нахлебался здесь в Перми обретенной свободы; голодал, мерз, однако, не жалею и не плачу, я понял: человек – вершитель своей судьбы, кузнец своего счастья; добьёшься всего – будешь уважать себя, вот как раз в этом и есть вся сила мужика.

– Очень похоже на мои думки, только словами выразить не могу, все детдомовское так и прет из меня.

– Не переживай, мы все вылезли из советской подворотни; маршировали строем в красных галстуках под барабан, одежда плохонькая, еда абы как не умереть, поэтому и знаем почему фунт лиха, цена слова и дела – копейка.

– Я не лезу в политику, мне плевать на тех, кто «наверху», как и им на нас работяг.

– И все же мы вынуждены идти по их рельсам в то непонятное светлое будущее.

– И куда же, Валера, мы придем?

– На запасной путь, как два бронепоезда.

– Точнее, как два придурка.

– Да, Вова, если не позаботимся о себе.

– В материальном смысле?

– Это не главное в жизни, я, например, последнее отдам для близкого человека.

– Согласен, копить деньги – не видеть света.

– Вова, всему есть предел: пусто в кармане – ноет желудок, упадок сил, одежда невзрачная, глаза как у нищего – девки таких не любят; и вот если карман оттопыривается, харя кир-

пича просит, то головная боль появляется от мысли, а куда же это все потратить. Тут и зазнайство, тут и страх от воровства; толпа баб крутится погулять задарма...

– Деньги – большое зло, они гробят человека.

– Да, Вова, к тому же отнимают разум, по себе знаю.

Рассказываю ему про покос в 1958 году, большую зарплату, новый костюм и часы, последующий голод, тонкое пальтишко и обувь «прощай молодость».

– А сейчас как бы ты распорядился этими деньжищами, – с хитрецей спрашивает он.

– О-о, сейчас бы я поступил практичнее и по – взрослому; точно бы купил другу шапку, еда до отвала в столовке, сладости в карманах, кино, качели в парке, встречи с девушками, цветы...

Мы обнялись как братья; вместе жили и работали в стройтресте.

Даже в сильные морозы мы с ним ходили по улицам Перми без шапок. Мою голову кудрявая шевелюра обогрела, а его с пушком волос походила на медный котел – аж оторопь брала. Он и варежек не признавал; на ногах «окорята» на рыбьем меху, кургузное демисезонное пальтишко, могучая грудь нараспашку; этакий рубаха – парень, русский символ. В отличие от меня, он никогда не простужался, даже не кашлял, ну если только от крепких папирос. Правда, глаза у него постоянно слезились. Для хохмы набрав воздуха в рот, пыжился до красноты и что-то с писком начинало выходить с боку глазного яблока, будто там дырка была. Я просил не издеваться над собой, но этот цирковой номер ребятам нравился. Но и это не предел: он мог шевелить ушами, доставал языком до носа и много чего удивительно демонстрировал...

В начале 1960 года по улицам Перми уже фланировали «стиляги». Я втайне завидовал им, ведь простая советская одежда мешком висела на наших скелетах и душевно отторгалась. Вообще-то, одежда, в наше время – упаковка, по Маяковскому- «раковина», по Чехову- «человек в футляре» всегда отображает суть мужчины или женщины. Если кто-то постоянно ходит в ватной телогрейке, шапке- ушанке мышинного цвета и кирзовых сапогах, то 100% побывал в местах отдаленных, по уголовке или как политический: подтверждением тому- моя мать и отчим. После смерти Сталина таких много выпустили из лагерей и у нас на стройке они составляли 20% работающих от общего числа, а в общагах проживало и того больше. Молодежь с ними редко общалась, поэтому влияние было небольшое. Деревенские выделялись среди горожан отсутствием вкуса, неловкостью и грубым языком, то есть простонародьем. Парни адаптировались с трудом и оставались деревенщиной до зрелого возраста, а вот девушки были восприимчивей к радостям жизни, так как ради обольщения городского принца можно пойти на что угодно. Я с ними общался часто, следя за переменами, и даже способствовал превращению очередной Золушки в принцессу; они обрезали длинные косы и коротко стриглись, одевали модные платица, и конечно удачно выходили замуж.

С появлением телевидения, после фестиваля молодежи в Москве летом 1957 года, в Пермь проникли стильные образцы молодежной моды и городское население стало ходить в светлом, применяя различные оттенки. Ходило мнение среди молодежи, что красный цвет – это для дураков, ярко – зеленый похож на детскую неожиданность, черный – в гроб кладут, абсолютно белый – смерть с косой, ярко желтый – психушка, фиолетовый- школяр, оранжевый – плакатный подсолнух, или связь с Хрущевской кукурузой. Неудачно подобранный цвет в одежде тут же высмеивался и отторгался молодыми людьми.

Брюки обычно шили в ателье или продавали в магазине под матросские клеши. Мой первый костюм, сшитый в ателье, представлял пиджак со складками и многочисленными карманами, а брюки пришлось потом зауживать, так как мастер сделал их внизу шириной до 30 см, что при моем росте это выглядело смешно.

Советская промышленность выпускала обувь в своём традиционном тюремном стиле. Кирзовые сапоги, ботинки из толстой черной кожи со стальными подковками, «прощай молодость» тоже черного цвета и простые валенки «а ля антрацит». Туфли у девушек тоже черного

цвета, лишь летом сандали из белой парусины. От этого однообразия и беспросветной темноты угасали все желания. Слово «окорята», видимо от корочек, появилось в Перми в 1960 году, то есть к моим 19, «шик» по молодежному сленгу, мечта многих парней, но в свободной продаже их тоже не было. Я ужасно переживал на этот предмет моей зависти. Ох, как бы я смотрелся в стильной обертке да с улыбающейся физиономией! Девки вереницей крылами машут, парни от зависти волосы рвут...

Тайный штаб в нашей общаге по замене советского «мурла» на западный образовался сам собой, человек из семи со сходными понятиями о добре и зле; спаянный в драках и споенный пивом, бормотухой, водкой, самогоном, денатуратом, шарлаком на спирту, наконец, опохмеленным тройным одеколоном для обтирания покойников. Я, конечно, и половины из этого ассортимента не пробовал, но ребята хвалили одеколон за большое содержание спирта, как нынешние алкаши хвалят настойку боярышника или «Трою» для очистки оконных стекол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.